

1. Революция и расстрел Гумилева, запрет печати

ВВОД

В марте 1914 года вышла вторая книга – "Четки". Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Бремя распорядилось иначе.

Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это неживописное место: распаханные ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, "воротца", хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи "Четок" и "Белой стаи". "Белая стая" вышла в сентябре 1917 года.

К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успех, чем "Четки". Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал – книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от "Четок" у "Белой стаи" не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются.

Ужасом этого времени стала для нас Октябрьская революция, унесшая жизни близких и дорогих мне людей, заставившая многих покинуть Родину.

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернялся скорбный дух.

СОБЫТИЕ МИР

Дети: Наталья Рыкова (подруга Ахматовой в Вятке), Виктор Иванович Рыков (ее отец), Вера Срезневская (подруга времен Царского Села), Лидия Чуковская (подруга-поэтесса), Фаина Раневская (организатор, актриса)

1917 год. Мы сидим в небольшой комнате в квартире и пьем чай, читаем новости из газет. В дверь стучат, заходит Фаина Раневская.

АА: Фаечка, заходите, я сейчас всех вам представлю. Это Наталья Викторовна Руковская и ее отец, Виктор Иванович, помещики из Вятки, помните, я часто там бываю, невероятные организаторы. Это Вера Срезневская, моя подруга еще времен Гимназии, с Лидой Чуковской вы, верно, знакомы, не последняя ныне поэтесса и мемуаристка. Друзья, это Фаина Раневская, великая актриса.

Ф (тут мы немного переврем события и расскажем то, что было после): Да ну, никакая не великая. Сейчас шла сюда и мальчишки мне опять фразу из "Подкидыша" кричали. "Муля, не нервируй меня!", как заладили. Понимаю, сейчас мелочь, но ужасно обидно.

АА: Вера, разлей нам чаю, там еще в шкафчике лежал хлеб, сколько осталось, подай. Не переживайте, у каждого своя “Муля”, моя вот “Сжала руки под темной вуалью”, куда не приди, везде одного просят.

Ф: Может и мы просим?

Если дети хотят послушать, читает.

Сжала руки под тёмной вуалью...

«Отчего ты сегодня бледна?»

— Оттого, что я терпкой печалью

Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,

Искривился мучительно рот...

Я сбежала, перил не касаясь,

Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка

Всё, что было. Уйдешь, я умру.»

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: «Не стой на ветру».

Если нет, то говорит АА: Лучше послушайте, Наташа, Виктор Иванович, я написала недавно.

Всё расхищено, предано, продано,

Черной смерти мелькало крыло,

Все голодной тоскою изглодано,

Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми

Небывальый под городом лес,

Ночью блещет созвездьями новыми

Глубь прозрачных июльских небес,-

И так близко подходит чудесное

К развалившимся грязным домам...

Никому, никому неизвестное,

Но от века желанное нам.

Спасибо вам, что помогаете. Что могу от вас увезти мешок угля или овощей. Вы знаете, будет у меня что, я все отдам.

Ф: Анна Андреевна, вам стоит быть аккуратнее. Так послушает кто первые строки, и заберут вас, или уехать придется. Цветаева, Ходасевич, Ремизов уже уехали... Может и вам?

Дети с оргом убеждают Ахматову уехать, на что она решительно отказывается.

И мы забыли навсегда,

Заключены в столице дикой,

Озёра, степи, города

И зóри родины великой.

В кругу кровавом день и ночь

Болит жестокая истома...

Никто нам не хотел помочь

За то, что мы остались дома,

За то, что, город свой любя,

А не крылатую свободу,

Мы сохранили для себя

Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,

Уж ветер смерти сердце студит,

Но нам священный град Петра

Невольным памятником будет.

Ф: Анна Андреевна, вы видели, что в газете пишут? «В нашей сегодняшней поэзии есть два полюса, два направления. Одно ... нашло свое наилучшее выражение в поэзии Ахматовой. Другое - то ... которое ныне возглавляется Маяковским».

Начинается обсуждение Маяковского, говорим о нем с детьми и о противопоставлении с ним.

Слышен стук в дверь, Фаина идет открывать, возвращается бледная с телеграммой.

АА: Что там? Лицо у тебя мертвенно бледное.

Ф: «Сегодня, 3 августа 1921 года Николай Степанович Гумилёв был арестован по обвинению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева».

АА: Что? Глупости какие-то. Он только вчера сидел у Ходасевича и говорил, что так здоров, что до 90 лет доживет...

Ф: Вот, посмотрите сами.

АА: Не бывать тебе в живых,

Со снегу не встать.

Двадцать восемь штыковых,

Огнестрельных пять.

Горькую обновушку

Другу шила я.

Любит, любит кровушку

Русская земля.

Ф: Анна Андреевна, ну что вы говорите такое! Еще ничего не предreshено!

Дети успокаивают Ахматову, что Гумилев еще не умер и все будет обязательно в порядке.

АА: Я даже не знаю, что могу сделать.

Надо прийти к написанию письма.

АА: Хорошо, сегодня же отправлюсь к Лозинскому, может, через Союз Писателей что-то выйдет сделать. Спасибо вам, пора уже.

ВЫВОД

Письмо было написано, но не помогло.

Чугунная ограда,

Сосновая кровать.

Как сладко, что не надо

Мне больше ревновать.

Постель мне стелют эту

С рыданьем и мольбой;

Теперь гуляй по свету

Где хочешь. Бог с тобой!

Теперь твой слух не ранит

Неистовая речь,

Теперь никто не станет

Свечу до утра жечь.

Добились мы покою

И непорочных дней...

Ты плачешь - я не стою

Одной слезы твоей.

Написано 27 августа 1921 года. Как мы узнали из постановления, вышедшего 1 сентября,

Гумилева уже два дня как нету в живых, но об этом никто еще не знал, а вещему сердцу уже было все ведомо.

Многочисленные мои стихи показались кому-то, по-видимому, неоднозначными, печатать меня перестали надолго. Говорили, что за мной даже установлена слежка.

Что ты бродилшь неприкаянный,

Что глядишь ты не дыша?

Верно, понял: крепко спаяна

На двоих одна душа.

Будешь, будешь мной утешенным,

Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным –
Станет больно самому.